

ТРОЕЧНИКИ ПРАВЯТ МИРОМ

Роман Богословский. 1964, год рождения Юры, выдался богатым на разного рода потрясения и громкие общемировые события. Тонут в конфликтах Южный Вьетнам, Бразилия и Боливия. Нобелевскую премию получают философ Жан-Поль Сартр и защитник «черной расы» Мартин Лютер Кинг. Но этот общественно-культурный подъем будет несколько смазан, а потом и вовсе стерт натиском музыкальной контркультуры. Годом ранее молодое поколение двух континентов погрузилось в истерию «битломании» — явление доселе невиданное в популярной музыке. В то же время в СССР заканчивается хрущевская «оттепель» и начинается 18-летний период брежневского «застоя». Именно в эти годы произойдет формирование и становление одного из самых эпатажных, противоречивых и самобытных авторов-исполнителей СССР, а позднее и молодой России Юрия Клинских, который вытряхнет из страны ее застарелую пыль под псевдонимом Юра Хой.

Разгадке его феномена всецело и до конца посвящена книга, которую вы держите сейчас в руках.

И нам, авторам, крайне важно, что будет думать при чтении этих страниц каждый из вас. Вы станете читать эту книгу, смеяться и грустить, серьезно задумываться или просто наслаждаться; будете спорить с нами или соглашаться, но по-настоящему понять Юру и его музыку мы сможем только вместе. Дави на газ, любезный читатель. У тебя «Восход» или «Ява»? А — не важно. Просто погнались!

Юрий Николаевич Клинских родился 27 июля 1964 года в Воронеже в семье авиационного инженера Воронежского авиационного завода Николая Клинских и клепальщицы того же предприятия Марии Клинских, в девичестве Власовой. У мамы маленького Юры уже были дети — двое мальчиков от первого брака — девятилетний Леонид и десятилетний Анатолий. Жили супруги Клинских скромно, по-среднесоветски, ничем особенным не выделяясь. Они и помыслить не могли, какое действие плюс-минус через четверть века окажет их младший сын на всю советскую, а затем и российскую культуру.

И здесь я обращаюсь к равноправному автору этой книги, старшей дочери Юры Ирине Клинских, рука об руку с которой мы доведем это повествование до последней точки. Ира, расскажи для начала об обстоятельствах рождения папы и его детстве.

Ирина Клинских. Надо все хорошенько вспомнить.

У бабушки был первый муж. Собственно, от него и родились два папиных родных брата — Анатолий и Леонид. В дальнейшем с первым супругом Иваном Япрынцевым бабушка развелась. Как она говорила мне: «Там была сложная история...» Через какое-то время она встретила моего дедушку Николая, и они

с первого взгляда влюбились друг в друга. Дед понял, что хочет прожить всю оставшуюся жизнь с этой женщиной, даже при наличии у нее двоих детей. Дальше события развивались как в обычной советской семье: они зарегистрировали брак, и вскоре у них рождается мальчик, которого назвали Юрой. На тот момент бабушке было 32 года, дедушке 30 лет. Жили все вместе, большой семьей. Сначала на улице Челюскинцев, а позже, когда папа пошел во второй класс, переехали на улицу Циолковского.

Роман Богословский. Понятно. Это вполне обычная история, как и вообще детство Юры Клинских. В 1970 году он идет в первый класс обычной воронежской школы и окончит девять классов. Девятилетка станет первым и последним учебным заведением для него. По Сети гуляет школьная фотография, на которой кто-то сделал довольно трогательную приписку: «В далеком 1979 году никто из 8 „Б“, да и из всей школы № 30, не подозревал, что имя Юры Клинских скоро прогремит на всю страну». И это факт, ведь в те годы Юра особых надежд не подавал: в учебе не отличался, в общественной жизни замечен не был. Однако уже в ранние школьные годы в его характере проявился любопытный парадокс. С одной стороны, учиться он не любил, к хорошим оценкам не стремился, при этом вполне комфортно чувствовал себя в одиночестве за разглядыванием картинок в научно-популярных журналах, за чтением книг. И вообще шпаной и оболдуюем в полном смысле слова Юра не был. Он относился к тем пассионариям, которые образуют себя сами. Американцы даже название для этого феномена придумали — *self-made man*. Таких людей от всех остальных

отличает безошибочное чутье на то, что им пригодится в жизни, а что нет. Слепая же вера в абсолютную власть хороших оценок над будущим — это не про них. Вся дальнейшая жизнь Юры доказывает, что он был именно таким человеком. Он всегда точно знал, что именно ему в данный момент нужно, и находил пути, порой самые невероятные, для достижения результата, на который сам же себя и ориентировал. Верно говорят, что троечники правят миром.

Юра не был забитым ребенком, в разборках и драках лишний раз старался не участвовать, по отношению к одноклассникам вел себя вполне корректно, сдержанно. Но порой мог довольно творчески пошутить, особенно если вначале задел его. В своем интервью одноклассник «Клина» — так Юру называли друзья — Юрий Лобашов вспоминал, как будущая рок-звезда тайком взял портфель одноклассника, который чем-то его обидел, и, напихав туда наглядных пособий из кабинета зоологии — сушеных змей и муляжей фруктов, — поставил его на место. При этом, конечно, не забыв пожаловаться учительнице, что ему неприятно смотреть, как отличник ворует школьную собственность. В общем, методы борьбы с неугодными вполне уже эпатажные.

Однако и у самого Юры иногда бывали проблемы. Все из-за покладистого характера и врожденной интеллигентности. Мама Мария Кузьминична вспоминала, что порой его били, отнимали деньги, которые давала она сыну на обед. Бытует расхожее мнение, что Юра был отъявленным хулиганом. Однако дело обстоит совсем иначе: грубость, ругань, драки — все это было от него далеко. Что называется, не в его характере.

Мне думается, что как раз из дипломатичного и в меру мягкого отношения к действительности проистекают неоднозначные отношения Юры с нецензурной лексикой. Стоит ли говорить, что этот вопрос в будущем станет для него «проклятым», потому что разгневанные родители юных поклонников и охочие до сенсаций журналисты совместными усилиями сделают «Сектор Газа» «самой матершинной группой страны», о чем мы еще поговорим. А пока ситуация складывается следующим образом.

Однажды Юра в разговоре с мамой сетует на то, что мат — повсюду. В общественном транспорте, в школе, во дворе — везде. Сам он в это время еще не употребляет матерных слов, по крайней мере свидетельств обратного я не встречал. И в его молодом сознании возникает когнитивный диссонанс — то ли разрешенное запрещено, то ли запрещенное разрешено. Он мечется между запретом родителей и согласной на все улицей. И в случае с обычным ребенком вопрос решается быстро и однозначно: где запрещают — не ругаюсь, где можно — крою, как сантехник. Но в случае с Юрой Клиньских простые решения и очевидные социально-бытовые схемы не работают или работают по-своему.

Вне сомнений: Юра еще в школьные годы оценил непостижимую силу и особую глубину смыслов русского крепкого словца. Но ни в юности, ни в зрелости вне музыкально-концертной жизни Юрий Клиньских мат в речи почти не употреблял. Зато как явление с громадной пробивной энергетикой в своем песенном творчестве он обойти его не только не мог, но и не хотел. Говоря проще — Юра мат уважал, обращался с ним умело и обходительно. Сколько ни старайтесь, вы не найдете ни в одной его песне

матерного слова, стоящего не на месте, без которого можно было бы обойтись. Завершая до времени эту тему, скажу, что родительский запрет на «плохие слова» Юра, конечно, в будущем нарушит. Но сделает это самым интересным из возможных способов — дозированно интегрирует в свое творчество. И только для того, чтобы показать народную жизнь целиком, а не в припудренно-слащавом виде, как это делали в то время многочисленные ВИА и другие псевдоэтнические коллективы. Как видите, детский диссонанс разрешился сам собой: то, что нежелательно в жизни, органично выглядит и вполне применимо на сцене, в музыке.

ОТ ГОГОЛЯ ДО АС/ДС

Роман Богословский. Чем жили дети в 70-е, кроме школы? Ответ прост и однозначен — улицей. Те уже непоправимо далекие времена были совершенно не похожи на нынешние, «гаджетоцентричные». Летом во дворах пацаны гоняли в футбол, занимались на турниках, зимой — коньки, лыжи, санки. Если не в каждом дворе, то через один в больших и малых городах размещались профессиональные или стихийные хоккейные «коробки» и «поля». По словам родителей, лет до восьми Юра все свободное время проводил на улице, во дворе, всецело поглощенный играми с друзьями. Но в какой-то момент «казаки-разбойники», салки и прятки по подвалам ему наскучили. Дворовым забавам он предпочел одиночество своей комнаты и чтение. Николай Гоголь и современные в то время «ужастики» про вампиров, вурдалаков и упырей, рекомендованные отцом Пушкин, Зощенко и особенно Лермонтов, в подражание которому он уже тогда начнет писать стихи — Юра читал много, но довольно хаотично, без особенного плана. Любил он тогда приключенческую литературу, например «Виннету — вождь апачей» Карла Мая, зачитывался Джеком Лондоном.

Позже Юриной настольной книгой стало «Забавное Евангелие» французского мистификатора Лео Таксиля, за которое автор-безбожник получил серьезный нагоняй от католической церкви. Но более всего в детстве, юности и взрослой жизни Юра тяготел к мистической литературе. Его завораживали потусторонние тайны, борьба светлых и темных сил. Ну а с появлением в доме Юры видеомагнитофона со скоростью весенней капли в его квартире росли залежи видеокассет с фильмами ужасов и триллерами. Особую любовь к этой теме Юра сохранил на всю жизнь.

Чтение, несомненно, способствовало первым поэтическим опытам. Юра вообще не слишком охотно говорил о своих первых стихах, хотя они, как это всегда бывает в любой творческой биографии, как раз и стали первой ступенью той самой лестницы, что привела его в итоге прямоком в сердца миллионов людей. Ира, дополни меня в части музыкальных пристрастий отца в подростковый период. Я представляю, что это была за музыка, но услышать это от тебя было бы прекрасно.

Ирина Клиньских. Тут нужно начать чуть издадека. Папа родился крепким и здоровым мальчиком. Развивался он как обычные мальчишки, но бабушка всегда замечала в нем что-то особенное. Говорила: «Все ребята бегают на улице целый день, а Юра сидит, что-то записывает, переписывает песни в тетрадку — тексты Высоцкого и иностранщину». А позже брат Анатолий научил Юру играть на гитаре. Старшие братья постоянно слушали иностранные и советские рок-группы: «Машина времени», «Воскресенье», «Аквариум», Queen, Slade, AC/DC,

Deer Purple, Kiss и многие другие. Так папа втянулся в мировую рок-культуру. Дедушка постоянно писал стихи и поздравительные тексты, а бабушка обладала хорошим слухом и голосом. Она даже разучила несколько гитарных аккордов, пела разные песни. Дед играл на баяне — в общем, творческая была семья.

Роман Богословский. То есть получается, что музыка, поэзия и проза окружали Юру со всех сторон. И все это на него сильно влияло. Но и еще кое-что. На семидесятые годы в СССР пришелся всплеск страсти населения к спиртным напиткам. К 1979 году среднее потребление чистого спирта на душу выросло до 10,4 литра в год. Естественно, до уровня девяностых и начала нулевых этот показатель недотягивает, но все равно это много. В 1972 году, за 13 лет до горбачевской, в стране началась антиалкогольная кампания. В 1975-м в СССР создали наркологическую службу, а еще в конце шестидесятых по всей стране начали открываться лечебно-трудовые профилактории — ЛТП. Позднее Юра Клиньских, тогда уже Хой, посвятит этому явлению советской жизни песню, которую так и назовет — «ЛТП».

Понятно, что городские жители могли поживиться и пивом, и вином, и водкой. Пусть не каждый день и не каждый раз «досыта», но всё же. А в деревне пили... конечно, самогон! Употребляли много и самозабвенно. Порой это было смешно, порой — страшно, печально и дико. Само собой, весь этот угар происходит в русских деревнях и сейчас. И я вовсе не просто так задержался на том, что алкоголизация в семидесятых была на пике. Этот факт имеет самое прямое отношение к нашему герою — Юре Клиньских.

Ведь темы «вокруг алкоголя» станут мощнейшим топливом, вновь и вновь разжигающим творческий костер в душе Юры на протяжении всей его жизни. А знакомство с традициями и «русскими особенностями» употребления самогона и других спиртных напитков он почерпнет как раз в деревне, где пьянство традиционно доведено до абсурда. Каждое лето Юра с братьями ездил отдыхать в Поселок Ильича, в народе просто Ильич, что неподалеку от Воронежа в южном направлении. Именно там он впитывал все, что представляла собой сельская жизнь в Стране Советов в семидесятые годы. Именно оттуда он привезет сначала в Воронеж, затем в Москву, а потом и во всю Россию темы, истории и смыслы, в которых житель деревни и его причудливый быт — это центр мира, хотя и довольно сложного, часто убогого, как бы чуть поломанного, а порой даже трагического.

«МИЛАЯ», ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗНАКОМСТВА

Роман Богословский. Темы деревни, ее природы, закатов, тихой глади воды, затаившегося в вечернем сумраке кладбища всегда занимали особое место в жизни Юры. И точно так же дело обстоит у миллионов людей по всей стране, просто мало кто обладает этой специфической особенностью психики — в правильных тонах, подходящим для этого голосом, интонацией, ритмом — выразить эту любовь, склониться перед ухабистой проселочной дорогой в низком поклоне. Юра Клинских уже с юных лет хорошо представлял, как это сделать. Ира, расскажи про «Ильич», что-нибудь из детства отца. И я в самом начале книги хочу поблагодарить твою маму Галину Клинских. Понятно же, что многое здесь — это ее воспоминания, поданные через тебя.

Ирина Клинских. Ты прав. Мама как раз и есть главный информатор — это ведь и ее история тоже. Папа часто проводил время в «Ильиче». Каждые каникулы мальчишки стремились уехать из города, ведь лето — самое благодатное время. Дети собирались вместе, бегали по теплой траве, купались в пруду и речке Икорец — она чистая, прохладная.